

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

7

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И НАСЛЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИСТИННОСТИ И НАСЛЕДИЯ

Этнометодология

проблемы, подходы, концепции

Выпуск XI

Москва 2001

РНТОААА RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 7

Moscow 2000

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Исследования

От редактора

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7.

Сборник статей - М., 2000. - 128 с.

ISBN 5-88443-068-1

А.А. Пископьев, В.Р. Рохоманов

Национальная традиция

Тема, проблемы и перспективы исследования

В.Р. Рохоманов

В своем выводе «этнометодология» является

этнометодология: проблемы, подходы, концепции

Выпуск 7

А.А. Пископьев, В.Р. Рохоманов

Национальная традиция

state, problems and prospects of research

S. V. Sakolovskiy

Notes on National Tradition

S. V. Sakolovskiy

authorities and the power of things (auto-ethnographic)

Москва 2000

Редакторы-составители

А.А. Пископнель

В.Р. Рокитянский

Л.П. Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7.
Сборник статей. - М., 2000. - 128 с.

ISBN 5-86443-068-4

В седьмом выпуске сборника «Этнометодология» продолжается теоретико-методологическое обсуждение ряда тем, ставших сквозными для всей серии: значения и места этнических феноменов в жизни общества, проектного смысла этнических идеалов, традиций и традиционализма, этничности и социализации, образования в условиях полиэтничного и мультикультурного общества, а также информационного подхода и связанных с ним информационных технологий.

In the seventh issue of "Ethnomethodology" the theoretico-methodological discussion is continued of a number of topics which have become permanent for the whole series: the role and place of ethnic phenomena in the life of society, the project meaning of ethnic ideals, tradition and traditionalism, ethnicity and socialization, education in polyethnic and multicultural society, as well as informational approach and informational technologies linked to it.

Содержание

От редакторов-составителей	7
<i>А.А.Пископелъ</i>	
Осевая реальность этнического пространства	12
<i>А.А.Пископелъ, В.Р.Рокитянский, Л.П.Щедровицкий</i>	
Национальная школа в РФ: состояние, проблемы и перспективы образовательной реформы	28
<i>В.Р.Рокитянский</i>	
Околотрадиционные заметки	55
<i>С.В.Соколовский</i>	
Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды)	70
<i>Г.А.Вучетич, А.А.Пископелъ, Л.П.Щедровицкий</i>	
Информация, информационная среда, информационное общество	109

Contents

Editors' Foreword	7
<i>A.A.Piskoppel</i>	
Axial reality of an ethnic space	12
<i>A.A.Piskoppel, V.R.Rokitiatsky and L.P.Schedrovitsky</i>	
The national school in the RF: state, problems and prospects of the educational reform	28
<i>V.R.Rokitiatsky</i>	
Notes around Tradition	55
<i>S.V.Sokolovski</i>	
Authorities and the power of things (auto-ethnographic essays)	70
<i>G.G.Vutchetich, A.A.Piskoppel and L.P.Schedrovitsky</i>	
Information, informational environment, informational society	109

Содержание

От редакторов-составителей 7

А.А.Пископов, В.Р.Рокитинский, И.Р.Шchedrovitsky
Освая реальность этнического пространства 12

А.А.Пископов, В.Р.Рокитинский, И.Р.Шchedrovitsky
Национальная школа в РФ: 28

проблемы и перспективы образовательной реформы

В.Р.Рокитинский
Околотрадиционные эмигранты 25

С.В.Саволова
Вещность и власть в объективном космосе 30

А.А.Пископов, В.Р.Рокитинский, И.Р.Шchedrovitsky
Информационная среда, информационное общество 35

Editors' Foreword 7

A.A. Piskopel

Axial reality of an ethnic space 12

A.A. Piskopel, V.R. Rokitskiy and I.R. Schedrovitsky
The national school in the RF: 28

problems and prospects of the educational reform

V.R. Rokitskiy

Notes around Tradition 25

S.V. Sokolovskiy

Things and the power of things (auto-ethnographic essays) 70

G.G. Vuchetich, A.A. Piskopel and I.R. Schedrovitsky

Прежде чем представить содержание статей предлагаемого седьмого выпуска сборника «Этнометодология: проблемы, подходы, концепции», представляется нелишним напомнить читателю об общей смысловой и идейной направленности серии – тем более, достаточно подробно об этом шла речь лишь в предисловии к самому первому сборнику, выпущенному в 1994 г. Стоит, в частности, еще раз объяснить, почему было выбрано такое название серии – «Этнометодология», хотя к одноименной социологической дисциплине, занятой проблемами изучения общезначимости структур обыденных побуждений и поступков людей, т.е. к «социологии обыденной жизни», эти сборники никакого прямого отношения не имеют.

Дело в том, что по авторитетному признанию самих этнометодологов от социологии «несмотря на включение этого термина в само название дисциплины, этнометодология не является и не должна считаться методологией в том смысле, в каком этот термин применяется ко всем существующим традиционным социологическим методологиям» (Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 366). Мы же, выбирая это название, хотели подчеркнуть, что речь в этой серии сборников будет идти именно о «методологии», причем не в формальном, как она трактуется «традиционными социологическими методологиями», а в содержательном смысле – т.е. в той ее ипостаси, которая представлена в ряде направлений отечественного методологического движения, так или иначе связанных с московским методологическим кружком (ММК). В содержательной же интерпретации к этнометодологическим следует отнести прежде всего те метапредметные теоретические разработки, которые направлены на изучение концептуальных предпосылок современных теорий этногенеза (критика и обоснование, регулятивные принципы и онтологемы и т.д.) и на сами способы ассимиляции феномена этнического в современной обществен-

Before presenting the contents of the texts comprising the 7th issue of the “Ethnomethodology: problems, approaches, concepts” it seems useful to remind a reader of the general sense and intention the series as a whole – the more so as this was spoken about more or less in details only in the foreword to the 1st issue (1994). In particular, it is worth explaining once more why this very title, “Ethnomethodology”, was chosen for the series though it has no direct relation to the sociological discipline of the same name engaged in studying generality of structures of everyday motivation and behavior, i.e. to the “sociology of everyday life”.

The point is that (as sociological ethnomethodologists themselves acknowledge) “in spite of the fact that this term is incorporated into the very name of the discipline ethnomethodology is not a methodology in the sense in which this term is applied to all existing traditional sociological methodologies” (New trends in sociological theory. Moscow, 1978. P. 366). As for our choice of the title, we wished to stress that the books of series will treat just the “methodology”; that it will be methodology not in a formal sense, as it is treated by “traditional sociological methodologies”, but in a substantial sense, i.e. the variety which is represented in some schools of the Russian methodological movement which are in some way connected with the so called “Moscow Methodological Circle”. Ethnomethodology in this sense includes “metasubject” (i.e. transgressing subject division) enterprises which are aimed at the investigation of conceptual presumptions of modern theories of ethnogenesis (critique and substantiation, regulative principles and ontologemes etc.), at the very ways of assimilation of the phenomenon of the ethnic within the modern social life and

ной жизни, и те теоретические концепты, которые выступают в роли обеспечивающих ее методологических средств.

Именно они, преимущественно, и освещаются в статьях, помещаемых в сборниках нашей этнометодологической серии.

В настоящем сборнике представлены как результаты дальнейшей разработки вопросов, уже поднимавшихся в работах предыдущих выпусков серии, так и статьи, обсуждающие смежные и стимулированные этими работами проблемы.

А.А.Пископпель в статье «Осевая реальность этнического пространства» обсуждает концептуальные возможности истолкования «этнического» в качестве идеала организации общественной жизни. На основе «витальной» объектно-онтологической интерпретации содержания понятия «этнос» анализируются логические и исторические предпосылки рассмотрения «этнического как проекта». Демонстрируется, что подобная интерпретация этнической реальности и в ее конкретно-историческом облике, и в ее идеальных устремлениях заставляет рассматривать ее как амбивалентное начало, что выражается в признании ее, с одной стороны, в качестве одной из базовых форм организации современного человеческого общежития, а с другой – в отрицании за ней идеалосообразного характера для современного мирового сообщества.

Вводится различение субэтнического и надэтнического подпространств этнической реальности, и надэтническое подпространство рассматривается в качестве осевой реальности самого этнического пространства. В таком различении субэтническое пространство есть пространство реализации культурно-почвеннических ценностей, а надэтническое – культурно-цивилизационных ценностей.

Рассмотрение взаимоотношения этих подпространств через призму категорий естественного/искусственного позволяет артифицировать возникающие здесь проблемы как усилия, направленные на создание таких связей и отношений между ними, которые

at those theoretical concepts that come to be means ensuring this assimilation.

It is this kind of questions that are mainly discussed in articles published in the books of our ethnomethodological series.

The new issue presents both the results of the further investigation of the questions that have already been raised in the previous issues of the series and articles wherein the problems adjacent to and provoked by the former publications are discussed.

A.A.Piskoppel in his article “Axial reality of an ethnic space” discusses conceptual possibilities of using “the ethnic” as an ideal form for organization of social life. On the basis of a “vital” object-ontological interpretation of the content of the concept of “ethnos” logical and historical preconditions for considering “the ethnic as a project” are analyzed. It is shown that such an interpretation of ethnic reality both in its concrete historical form and in its ideal aspirations compels to consider it as something ambivalent which means on the one hand to see in it one the basic forms of modern social life organization while on the other hand to deny it the ideal-posing character for the modern world community.

A distinction between subethnic and superethnic subspaces of ethnic reality is introduced, and a super ethnic subspace is considered as an axial reality for the ethnic space as such. Within this distinction a subethnic space is a space where values of cultural “soil” are realized while a superethnic space is a space for cultural civilizational values realization.

The relations between these subspaces being considered using categories of natural/artificial it is possible to artificialize the appearing problems and to see in them efforts aimed at creating such connections and relations between them which

обеспечивали бы диссоциацию цивилизационных и почвеннических ценностей и потребностей и «возгонку» первых в осевую реальность этнического пространства.

В статье А.А.Пископеля, В.Р.Рокитянского и Л.П.Щедровицкого, посвященной проблемам «национальной школы» в России, эти проблемы и перспективы их решения рассматриваются на материале анализа изменений, происходивших в области национального образования в последнее десятилетие и в контексте осуществляемой в настоящее время образовательной реформы. Особое внимание авторы уделяют обсуждению и прояснению ключевых понятий, релевантных этой проблемной области, таких как «национальная школа», «национальная культура», «возрождение и развитие национальной культуры», «образовательные права», базовым принципам и идеалам образовательной реформы, критическому анализу декларируемых и реальных целей и перспектив развития школы в «национальных» регионах, разбору программных документов образовательной реформы. К статье прилагается описание возможной структуры базы данных «Национальная школа», которая, как считают авторы, могла бы стать базовым инструментом, способным интегрировать информационно-аналитическое обеспечение образовательной политики на федеральном уровне и уровне федерального округа, с демонстрационными образцами возможного заполнения некоторых ее разделов.

«Околотрадиционные заметки» В.Р.Рокитянского продолжают обсуждение темы традиции и традиционализма, начатое в работе «Мир традиций. 1. Традиция: строение и метаморфозы» (Этнометология. Вып. 5. методология. 5th issue. 1998). Настоящая публикация включает два небольших очерка. Первый из них, «Созерцание и деятельность», представляет собой своего рода вариации на тему первого из «Тезисов о Фейербахе» К.Маркса; речь идет о двух жизненных установках, определяю-

would provide for dissociation of civilizational and "soil" values and for sublimation of the former to the axial reality of the ethnic space.

In the article by A.A.Piskoppel, V.R.Rokitiatsky and L.P.Schedrovitsky which is dedicated to problems of the "national school" in Russia the discussion of these problems and of the prospects of solving thereof is based on the results of analysis of changes that have been taking place in the realm of national education in the last decade and takes into account the context of the educational reform now in progress. Special attention is given to the key concepts relevant to this problem area, such as "national school", "national culture", "rebirth and development of a national culture", "educational rights", as well as to the basic principles and ideals of the educational reform, to critical study of the school development goals and prospects in the "national" areas, both declared ones and real, to analysis of the program documents of the reform. The Supplement contains a description of possible structure of a database "The National School" with demonstrational samples of data for DB sections which, according to the authors, could become a basic instrument capable of integrating the information-analytical policy both on the federal level and on the level of a federal district.

"Notes around Tradition" by V.R.Rokitiatsky continue the discussion of the topic of tradition and traditionalism started in "The world of traditions. 1. Tradition: the structure and metamorphoses" (Ethnomethodology. 5th issue. 1998). The present publication includes two small essays. The first one, "Contemplation and activity", is a kind of variations to the theme of the first "Theses on Feuerbach" by K.Marx; two vital attitudes which determine, corre-

рядка двух триллионов долларов, причем половина из них – доля США.

В определенном смысле информатизация не только процесс, подобный индустриализации, но и процесс, опирающийся на нее как на свою собственную предпосылку. Поэтому ее называют иногда *информационной индустриализацией*. Если с этой точки зрения взглянуть на пять «информационных тенденций» Г.Попшеля и Б.Голдстейна, то они в своей основе могут быть отнесены (но, конечно, уже по отношению не к информационному, а к производственному продукту) и к процессу индустриализации. И связано это, на наш взгляд, с тем, что подобного рода тенденции отражают специфические черты не столько информатизации самой по себе, сколько становление новой сферы деятельности. Индустриализация с этой точки зрения была процессом становления «производственно-изготовительной» деятельности в качестве такой глобальной сферы на базе ремесленно-мануфактурных форм организации труда.

Характерно, что у социально-значимой деятельности этого уровня всегда есть своя центральная область, имманентная ей как системной целостности. По отношению к ней образование соответствующей сферы деятельности представляет собой своего рода рациональное обобщение и распространение присущих такой области форм организации (в том числе технико-технологической) на все многообразие типологически идентичных видов деятельности. Для процесса индустриализации такой областью стало машиностроение как отрасль промышленного производства, а для информатизации – область расчетно-вычислительных операций. Им соответствуют и базовые технологии с реализующими их техническими средствами, ставшими своеобразными символами: *механическая машина* (машина-двигатель + рабочая машина) и *компьютер*. В конечном счете, если индустриализация по своей интенции есть уподобление всех сфер общественного производства промышленному, прежде всего машиностроительному, производству, то информатизация – их уподобление вычислительному центру. Речь идет, конечно, не о конкретной реализации, а стоящих за ними «принципах действия» – о механизации предметно-практической и интеллектуальной деятельности.

Там, где есть центр, есть и периферия. Если центральная область – область своего рода технологической пассионарности (активности) – выступает в роли ведущего, преобразующего начала, то периферия – начало ведомое, преобразуемое (пассивное). Конечно, это противопоставление справедливо только в первом приближении, и любое распространение «новой» технологии не механический процесс. Реальная картина такого распространения намного сложнее и напоминает скорее интерференционную картину, построенную в соответствии с «принципом Гюйгенса», когда любая точка среды, до которой дошел фронт инновационной волны, сама становится новым источником вторичной инновационной волны. Но нас сейчас интересует другое – реальные ограничения (границы), имманентно присущие такого рода глобальным социотехническим процессам. Скажем, процесс индустриализации был наиболее успешным в промышленном производстве (массовом поточном производстве) и в гораздо меньшей степени в сельскохозяйственном. Он изменил характер физи-

ческого труда и практически не коснулся труда интеллектуального, творческого и т.п. С чем же связана селективность такого процесса?

Вполне очевидно, что среди великого множества реальных ограничений у подобного процесса есть ограничения, так сказать, конкретно-исторические, которые рано или поздно оказываются снятыми, и органические, сущностные. Так, теперь довольно ясно, что индустриально-социалистическая идея превратить весь народно-хозяйственный организм в одну единую «фабрику» была утопией, а насильственное проведение ее в жизнь привело нашу (и не только нашу) страну на грань социально-экономической катастрофы.

Инфодейтельность с системно-структурной точки зрения представляет собой многоуровневое гетерархическое образование, где каждый из уровней обладает еще и своей качественной определенностью и свойственными только ему онтологическими (т.е. самоопределяемыми) и операциональными характеристиками. Поэтому каждый из них (кроме общих всем – родовых) имеет и свои собственные ограничения. К ним относятся, например, практические пределы варьирования таких технико-технологических характеристик как быстродействие и мощность компьютеров, объемы их памяти, плотность и долговременность хранения информации на тех или иных носителях, и т.п. Наиболее важными социотехническими ограничениями можно считать два из них.

Первое связано с тем, что реальным центром информатизации (поскольку все это происходит не в мире «чистых» платоновских идей) является не инфодейтельность вообще, а вполне определенный вид этой деятельности (расчетно-вычислительный). Поэтому, чем больше точек расхождения, конституциональных различий, между ведущей, центральной областью деятельности и другими видами инфодейтельности, тем менее эффективным будет такое уподобление одного вида деятельности другому.

Второе обусловлено взаимодействием самих сфер, поскольку каждая из них образует не субстанциональное, а функциональное единство. Другими словами, разные виды и формы инфодейтельности входят в инфраструктуру иных (неинформационных) видов и форм деятельности, являются средствами достижения иных целей и должны оцениваться не сами по себе, а по схеме «цель – средство». Их развитие производно от развития и эффективности ведущих форм деятельности и регулируется по преимуществу ими же. Здесь речь уже идет не о собственно информационной, а об общественной эффективности (прежде всего экономической) с ее главным показателем «нормы затраты – прибыль». Именно поэтому главным потребителем информационных технологий и услуг (электронной информации) на Западе является не наука, источник информатизации общества (~ 3%), а бизнес (~ 86%)⁶.

⁶ Анализируя подобные данные, А.И. Черный приходит, в частности, к выводу, что «информатизация общества заключается отнюдь не в насыщении научно-информационной деятельности вычислительной техникой и особенно ПЭВМ, как утверждается в некоторых публикациях и выступлениях, а в расширяющемся использовании информации, преимущественно электронной, в качестве третьего и все более важного вида ресурсов... в производстве, кредитно-финансовой деятельности, снабжении и сбыте, управлении и других областях общественной жизни» (Черный 1990).

3.3. Наряду с несомненным сходством с индустриализацией и даже воспроизведением в себе многих ее черт, и даже воспроизведением в себе многих черт индустриализации, процесс информатизации обладает и рядом существенных отличий, так как происходит на новом, более высоком витке социально-экономического и научно-технического развития общества. Индустриализация была, в основном, процессом стихийным и на региональном, и на общемировом уровне. Ее общая тенденция складывалась в результате непроизводительной растраты колоссальной социотехнической энергии, путем проб и ошибок. Она привела к громадным социальным и экологическим издержкам, увеличила социально-экономическое неравенство между отдельными странами, регионами и континентами, породила проблемы, не разрешенные и по сию пору. Коротче говоря, она стала испытанием мирового порядка на прочность. Второго такого испытания, по общему убеждению, он не выдержит. Именно поэтому информатизация на всех ее уровнях – процесс в гораздо большей степени планируемый, опирающийся на целый корпус социотехнических программ, включающих разные формы прогноза и мониторинга.

Такие программы создаются, как известно, для регулирования процесса информатизации, направления его в русло сбалансированного общественного развития (парирования отрицательных социальных, экологических и т.п. последствий), обеспечивающего дальнейший рост качества жизни всех членов общества. Существует широкое разнообразие программ разного уровня (от международных до внутрифирменных), адресованных интегративным субъектам социально значимой деятельности разной степени общности. Все они представляют собой форму согласования интересов разных субъектов общественной жизни и координации их усилий в некотором, заранее выбранном, направлении, которое приобретает целе-ценностный характер как результат определенного консенсуса между ними. Содержание таких программ непосредственно зависит от характера общественного (государственного) устройства конкретного информатизируемого общества, способа субординации его субъектов. А корпус таких программ представляет собой программное обеспечение метатехнологии нововведений, является ее необходимым элементом и непременным условием. Таким образом, информатизация в отличие от индустриализации – процесс социотехнически программируемый.

В свою очередь, разработка таких программ нуждалась и нуждается в определенном научном обосновании, создающем для них концептуальную базу. Так, немаловажную роль в успехах информатизации США сыграла концепция информации как стратегического ресурса экономики (наряду с трудом и капиталом) и программа рассекречивания государственных архивов. Демонопользация и дерегуляция доступа к использованию этого ресурса (прежде всего доступа к научно-технической информации) стала мощным стимулом для американской экономики. Уже в довоенные годы высшая администрация США осознала, что широкое разнообразие научной информации, на основе которого может быть достигнут дальнейший прогресс, является более прочной основой национальной безопасности, нежели политика ограничений и тотальной сек-

ретности. Причем, снятие ограничений секретности с информации – это лишь одна сторона проблемы. Другая сторона – обеспечение подготовки материалов к их публикации в такой форме и по такой цене, которые бы обеспечили их широкое распространение и рациональное использование. Характерно, что научно-техническая деятельность в Японии направляется двумя государственными органами: Управлением по науке и технике и Министерством внешней торговли и промышленности. Именно в их ведении находится Японский центр научно-технической информации (управляющий национальным фондом данных). Их детищем стал общенациональный комплексный план (1972) «Информационное общество – национальная цель Японии к 2000 году», и создан специальный орган организации и управления – «Институт информационного общества».

Только институционализация метатехнологии нововведений в государственном и региональном масштабе может обеспечивать небывалый рост производства таких интеллектуальных машин как ПЭВМ в США: 200 (1975) – 20.000 (1977) – 2.800.000 (1982) – 7.000.000 (1983) – ... – 75.000.000 (1995). Здесь динамика взаимоотношений информационных потребностей и предметов потребления отражает и динамику организационно-деятельностных изменений во всех сферах и видах общественного производства. С точки зрения этой динамики информатизацию «можно определить как социально-технический процесс перестройки различных видов социально значимой деятельности и общественных структур на основе все более рационально и эффективно организуемой информационной деятельности и высокопроизводительных информационных технологий» (Никуличев 1990). Требуется лишь уточнить несколько позиций.

Выше уже говорилось, что, по сути дела, информатизация – это процесс превращения инфодеятельности в сферу деятельности. Становление новой сферы есть своего рода тектонический процесс изменения их общественной эффективности, ведущий в итоге к росту качества жизни. Недаром успешная информатизация – достояние стран с высоким уровнем жизни. И, наоборот, там где такой непосредственной связи нет, где она осуществляется «из под палки», ее успехи и перспективы оказываются сомнительными. В уже упоминавшейся «Концепции информатизации советского общества» (ВНИИСИ) было совершенно точно подмечено, что «ни в одной другой стране руководство государства не уделяло столько внимания развитию информатизации, как в нашей, и нет ни одной страны, в которой эти усилия приносили бы столь незначительный эффект».

Возвышение инфодеятельности с уровня на уровень есть одновременно и ее насыщение соответствующими техническими средствами, но только с выходом на уровень сферы деятельности; оно приняло лавинообразный характер и стало информатизацией общества (а не отдельных видов и сфер деятельности). Информатизация, следовательно, – процесс интегративный, пронизывающий весь общественный организм и придающий любой информационной инновации родовую, всеобщую форму.

Здесь действует своего рода принцип доминанты, когда частная инновация, новая информационная технология, усиливает и ускоряет процесс информатизации в целом. Но интегративный характер присущ информатизации отнюдь не везде, а только там, где он становится формой манифестации **инновационной метатехнологии**, – механизма социотехнической самоорганизации, использующего креативные духовные значения, создаваемые частными общественными субъектами (субъектами общественной жизнедеятельности), для самосовершенствования интегрального субъекта общественной жизни (общества).

Вместе с тем, в самом противопоставлении информатизации как насыщения разных видов и областей общественной жизни новыми информационными технологиями и информатизации как широкого социального процесса преобразования общественной жизни как таковой есть содержание, не выявленное и не оформленное на понятийном уровне. Перед нами, по сути дела, три связанных но не тождественных процесса.

Первый из них имеет характер глобальной социотехнической *акции* и непосредственно связан с развитием инфодеятельности, выходом на новый уровень за счет разработки современных индустриально-информационных технологий (первый смысл термина информатизация).

Второй, имеет характер системной *реакции* на это развитие и заключается в преобразовании всех видов и форм социально значимой деятельности, в их развитии за счет более эффективного взаимодействия с «новой» инфодеятельностью (второй смысл термина информатизация).

Третий выступает по отношению к двум другим в качестве *интегрирующего* процесса общественного развития (в его всеобщей или регионально-государственной форме), перехода от состояния (типа) индустриального общества к состоянию информационного (постиндустриального) общества (третий смысл термина информатизация).

Для того чтобы не было интерференции разных смыслов при употреблении термина «информатизация», целесообразно оформить это различие с помощью разных терминов (понятий). С чисто терминологической точки зрения именно первый смысл явно выражен в самом термине «**информатизация**». Для именованного второго процесса имело бы смысл использовать термин «**инфоадаптация**» общества. И, наконец, для обозначения интегрального процесса их софункционирования (третий смысл термина информатизация) целесообразно употреблять термин «**информационная революция**».

Учитывая это различие, можно было бы утверждать, что основным предметным результатом процесса информатизации общества является производство и воспроизводство *информационной среды* и *информационной инфрасреды* общества.

4.1. Всегда, сколько существует само общество, существуют и духовно-информационные потребности у его субъектов разной степени общности, те или иные формы и виды инфодеятельности и ее результатов – информацион-

ных продуктов и услуг. Все это так или иначе окружало человека от рождения до смерти, но было почтой, библиотекой, газетой, телефоном и т.д. Об инфосреде как о научном понятии речь зашла только в самое последнее время. Так или иначе этот термин появляется там, где речь заходит о процессе информатизации. С точки зрения структуры общественной жизни и общества как ее субъекта, как уже неоднократно упоминалось выше, этот процесс – процесс появления новой, информационной, сферы деятельности. Появление новой общественной реальности (сферы деятельности) означает в то же время и появление новых способов удовлетворения информационных потребностей (и как следствие самих потребностей) частных субъектов иных (неинформационных) видов социально-значимой деятельности. Возникающие на такой основе более эффективные, совершенные формы социального взаимодействия информационных и неинформационных видов деятельности составляют суть процесса, названного выше процессом информационной адаптации общества. Но инфодеятельность – это не первая деятельность, достигшая уровня сферы деятельности, однако ни одна из них, за исключением может быть экономической, не рассматривалась в качестве среды осуществления других видов деятельности. Очевидно, сама категоризация (в определенном аспекте) этой сферы в качестве среды связана с ее спецификой как *информационной* сферы деятельности, т.е. со спецификой *информации* как таковой, или, вернее, с ее возможностями, превращаемыми в действительность современными информационными технологиями.

Эти возможности, присущие информации как некоторой онтологической реальности, хорошо известны: практически неограниченная *репликативность*, *транспортабельность*, *конвертируемость*, *концентрируемость*, *сохраняемость* и т.п. Фактически все ограничения на информационные процессы и результаты – это ограничения со стороны ее носителя. Другими словами, для информационных продуктов и услуг не существует (в возможности) практических пространственно-временных ограничений (только «физические»). В определенном смысле, новые *информационные технологии* направлены на дальнейшее увеличение *меры идеальности* информации. На полное подчинение материального воплощения духовных значений (носителя) закономерностям их социокультурного бытия.

С другой стороны – со стороны информационной потребности – также не существует практических ограничений (только «культурно-исторические»), ибо информация – это форма существования духовных значений в процессе любого социального взаимодействия (общения), в том числе и в рамках самосознания как социокультурного феномена (общение с самим собой). Потребление духовных значений (регуляторов деятельности), в той или иной их форме, составляет родовую особенность человеческой деятельности вообще и, следовательно, каждой ее видовой определенности. Это означает существование перманентной необходимости в удовлетворении духовно-информационных потребностей субъектами социально-значимой деятельности всех ступеней общности (от индивида-личности до общества) в условиях их реальной пространствен-

но-временной локализации. Но возможность удовлетворять витальные потребности субъекта «здесь и теперь» и является сущностным свойством ареала объектов потребления как среды. Тем самым превращение инфодеятельности в сферу деятельности как цель и результат процесса информатизации общества есть социотехнический процесс производства и воспроизводства как информационной среды, так и обеспечивающей ее поддержку инфрасреды для всех субъектов общественной жизнедеятельности, – процесс, снимающий пространственно-временные ограничения на удовлетворение их духовно-информационных потребностей.

Здесь представляется необходимым еще раз, уже на новом уровне, уточнить наше представление о инфодеятельности. Традиционным способом экспликации инфодеятельности как родового понятия является объединение функционально-определенных ее типов, таких как *сбор, переработка, транспортировка* информации и т.п. Сюда же на правах типа включают и «*производство информации*». Эта – на первый взгляд невинная, а на самом деле двусмысленная – дефиниция приводит к тому, что под понятие «производство информации» начинают подводить такие виды общественного производства, как науку, искусство, образование и т.п. Во многом такое употребление понятий провоцирует и известная формула – «производство информации и знаний». В результате возникает обобщение, где на паритетных началах присутствуют, с одной стороны, научно-исследовательская, управленческая, художественная и т.п. деятельность, а с другой, например, кабельные линии связи, т.е. обобщение заведомо формальное и в общем случае малопродуктивное. При всякого рода статистических, в том числе экономических, расчетах и подсчетах трудовой занятости, производительности труда, произведенного продукта, объемов капиталовложений и т.п. на правах «информационного работника» фигурируют ученый, писатель, преподаватель, кассир, почтальон и т.п. (в частности в работах Ф.Махлупа и М.Пората). Нам такой подход представляется ошибочным.

С чисто понятийной точки зрения категория «производство» характеризует определенный уровень конкретизации категории «деятельность вообще» (т.е. деятельность – это всегда производство). Тем самым «деятельность как производство» является родовым, а не видовым понятием и в качестве такового определяет родовые черты любого вида социально-значимой деятельности. Это, в частности, означает, что сбор, переработка, транспортировка и т.д. информации – все это виды своего рода «производства», различающиеся лишь тем, что таким образом «производится» (объединение, оформление, перемещение и т.д.). И поэтому наряду с ними не может быть никакого «производства информации» как специального *вида* инфодеятельности⁷. В противном случае неизбежны противоречия и неоправданное расширение объема понятий «информация», «информационная деятельность» и, как результат, отсутствия определенности у «информатики» как вида научно-технической деятельности

⁷ Ср., например: «Как правило сама информационная служба научную информацию не создает, но извлекает ее из документальных источников. То, что производит информационная служба, – это метаинформация» (Шрейдер 1976).

(науки). Такая точка зрения представляется нам более оправданной с учетом того, что наряду с метаинформацией эта служба «производит» сбор, хранение, переработку и т.п. информации.

4.2. Наиболее широко употребительными представлениями о инфосреде общества являются те, где она рассматривается или как «пространство, в котором информация как отчужденное от человека знание хранится в виде текстов, знаний и т.п.» (Мириманова 1990), или как само достоверное, отчужденное от индивидуума, обобщественное и закрепленное на материальном носителе знание (Шапиро 1988). В таком представлении об инфосреде элиминированы все условия потребления (как потребляется) и все внимание сосредоточено на самих предметах информационной потребности общества (что потребляется). Как правило, вопрос о понятии, объединяющем в своем содержании ответ на оба таких вопроса – «что?» и «как?», – в этом случае не ставится.

Более рациональной является точка зрения, объединяющая в содержании понятия инфосреды «что и как» удовлетворяет информационные потребности общества, предметный и процессуальный аспект такого потребления. Другими словами, истолкование этого понятия как содержательного (но не структурного) эквивалента понятия сферы информационной деятельности (т.е. фиксирующего уровень, степень ее развития), взятого по отношению к субъектам (пользователям) иных (неинформационных) видов деятельности⁸. В таком истолковании изначально заложены две особенности инфосреды, качественно отличающие ее от тех или иных видов физико-химической, биологической и т.п. сред. Во-первых ее *техногенное* происхождение как среды «искусственной», складывающейся и создаваемой для удовлетворения растущих (информационных) потребностей общества, а во-вторых, ее *активно-деятельный* характер, в силу которого информационные потребности удовлетворяются в рамках социального взаимодействия двух равно активных субъектов (информационного работника и пользователя) в процессе непосредственного и опосредованного общения (коммуникации).

В совокупности, понятия инфосреды и информационной инфрасреды, т.е. информационной индустрии в собственном смысле слова, могут быть выражены понятием «информационное хозяйство». Понятие информационного хозяйства, используемое в контексте экономического анализа процессов информатизации общества, включает весь спектр видов информационной деятельности и все множество отраслей, их обеспечивающих, занятых производством, распространением и обработкой информации, в сумме образующих межведомственный народнохозяйственный комплекс (Чирченко 1989).

⁸ Эта точка зрения выражена, например, М.В. Араповым, выделяющим три аспекта инфосреды: процессы опредмечивания (объективации) личного знания в информацию и ее распределенности в личном знании; систему исторически сложившихся форм коммуникации, созданную всем обществом; инфраструктуру, включающую издательства, библиотеки, информационные центры, банки

Литература

- Кацура А. В. Информатизация: выход в социальную сферу // Труды БЖИСИ, Вып. 3, 1988.
- Лаврухин А. И. «Информационное общество»: надежды и результаты информатизации // Труды ВНИИСИ, Вып. 12. М., 1989.
- Мириманова М. С. О роли компьютерной инфосреды и ее потенциальных возможностях в стимулировании креативности ученых-обществоведов // Теория и практика общественно-научной информации, №1, 1990.
- Никуличев Ю. В. Информатизация общества как макросоциальная проблема: международный опыт // Теория и практика общественно-научной информации. ИНИОН, №1, 1990.
- Новая технология и организационные структуры. М., 1990.
- Пископфель А. А., Смолян Г. Л. Инфосреда общества // Проблемы инфовзаимодействия. Новосибирск, 1993
- Поппель Г., Голдстайн Б. Информационная технология: миллионные прибыли. М., 1990.
- Черный А. И. Информационная индустрия (вместо предисловия) // Итоги науки и техники, Сер. Информатика, Т. 14, М., 1990.
- Чирченко О. Н. Информационные аспекты компьютеризации. М., 1989.
- Шатило Э. Л. От потребности в знаниях к информационному запросу // Труды ВНИИСИ, Вып. 13, 1988.
- Шрейдер Ю. А. Информационные процессы и информационная среда // НТИ, Сер. 2, №1, 1976.
- Шрейдер Ю. Л. Концепция интеллектуальных систем. М., 1988.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7.
М., 2000

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Лицензия ЛР № 020730 от 03.03.1998.

Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Формат 60x90 1/16 Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз. Зак. 200.

Отпечатано в ГУП Облиздат
248640, Калуга, плю Старый Торг 5

